

Хилари Пилкингтон

Бирмингем, Великобритания

Елена Омельченко

Ульяновск

“ЗАЧЕМ МНЕ ВРАТЬ?”

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЯЗЫЧНОЙ МИГРАЦИИ

Настоящая статья посвящена анализу одного из теоретико-прикладных аспектов проекта, финансируемого фондом ESRC (Совет по экономическим и социальным исследованиям). Великобритания. Грант N R 000221306. Название проекта: "Домой? Социально-культурное изучение русскоязычных вынужденных переселенцев". Исследование проводилось под руководством доктора Хилари Пилкингтон (препод авателя Центра русских и восточноевропейских исследований, Бирмингемский университет, Великобритания) с июля 1994 по август 1995 гг.

Предисловие

Если предельно сжато сформулировать основную проблему применения метода интервью - это вопрос о достоверности получаемой информации. Система доказательства ограниченности, а часто и бесполезности этого метода строится вокруг утверждений, что респондент, мягко говоря, не склонен говорить социологу “правду”. Непосредственное присутствие интервьюера усиливает и без того существующий дисбаланс в общении с респондентом - прямым “глаза-в-глаза” контактом, что еще более обнаруживает искусственность ситуации и неравноправность субъектов, а отсутствие анонимности - естественную склонность любого человека быть “на уровне” ожиданий собеседника .

Социологи, изучающие интервью как на уровне отдельного метода, так и в контексте спора качественников и количественников, по-разному описывают “ловушки” интервью и пути их преодоления. К сожалению, рамки и тема настоящей статьи не позволяют полноценно включиться в дискуссию по этому вопросу, которая приобретает в последнее время все более заинтересованный и глубокий характер (1).

Наш интерес к методологическим проблемам объясняется рядом причин. В ходе проведения полевых исследований мы столкнулись с тем, что респонденты не просто с большим желанием отвечали на вопросы и были откровенны (что явно противоречило целому ряду утверждений о закрытости “постсоветского” респондента); подчас они говорили так много и подробно, что на интервью не хватало одной кассеты. Обостренное социально-культурное одиночество вынужденных русскоязычных переселенцев, их депрессивное психологическое состояние, смена профессионального и социального статуса, тяжелый, а подчас и трагический личный опыт - все это, с одной стороны, значительно усложняло проведение полевых исследований, с другой стороны, облегчало, как это ни парадоксально, общение с респондентами.

Интерес к этим проблемам связан и с самим предметом исследования. Русскоязычная миграция из бывших республик СССР - новое и “неустоявшееся” явление (2). В связи с этим возникает целый ряд вопросов: насколько корректно изучать и в определенном смысле “замораживать” не просто динамичный, но и хаотичный процесс; допустимо ли применять известные методики и техники к предмету, который “незнаком” ни практике, ни теории; каковы границы “вторжения” ученых в вопросы, которые впрямую касаются стратегических государственных интересов ?

Задача статьи не в том, чтобы ответить на эти вопросы, а в том, чтобы проследить их развертывание в процессе конкретного исследования. Выбор качественных методов (включенного наблюдения и нестандартизированного интервью) представляется вполне оправданным по отношению к подобным “неустоявшимся” темам. Так, например, О.М.Маслова отмечает, что неформализованные варианты опроса адекватны “множеству динамичных проблемных ситуаций, которые характеризуются, с одной стороны, повышенной степенью социального риска при выборе решения, а с другой - повышенными требованиями к оперативности их информационного обеспечения для обоснования этих решений” (3).

Учимся слушать

Специфика использования “знакомых” методов

В своеобразном опыте применения метода глубинного интервью к изучению процессов русскоязычной миграции из бывших республик СССР нашли отражение как общие закономерности и проблемы практики интервью, так и то новое, что внесли в технику его применения “непростой” предмет исследования и конкретные полевые условия. Жанр статьи не совсем обычен: в изложении материала используется несколько параллельных сюжетных линий:

А. Анализ и интерпретация ответов респондентов.

В. Проблемы применения интервью к данному исследовательскому полю.

С. “Полевые” заметки доктора Хилари Пилкингтон и их анализ.

Тоска по общению, или “невостробованный опыт личности”

Практически все переселенцы охотно соглашались принять участие в интервью, поскольку испытывали огромный дефицит в общении. Этот “синдром” невостробованности личного мнения характерен не только для этой группы респондентов. Люди страстно желали, чтобы их выслушали, были искренни, доверительны, испытывая облегчение оттого, что кому-то интересна их “история”. Иногда респонденты отказывались отвечать на отдельные вопросы, опасаясь последствий своих откровений, но прямо и откровенно объясняли причины своего отказа.

В начале одного из интервью респондент N прямо сказал, что не испытывает особого желания разговаривать, но отказываться не стал. Его ответы были поверхностными и односложными. После того как интервью было закончено и диктофон выключен, он сказал, что если об этом разговоре узнают на работе, - у него наверняка будут проблемы (4).

“Его отказ, конечно же, затруднил ход интервью, но было получено еще одно подтверждение одной исследовательской гипотезы: была “испорчена” всего одна кассета, но стало ясно, насколько зависимы вынужденные переселенцы от воли их непосредственных руководителей...” (Д-р Хилари Пилкингтон. Далее см. ссылки - (Х.П.).

Доверять или не доверять исследователю?

Статья неслучайно начинается словами: “Зачем мне врать?” Это высказывание одной из респонденток не просто ярко демонстрирует отношение переселенцев к исследованию. В этих словах, на наш взгляд, в своеобразном виде содержится ответ на вопрос о доверии к полученной в результате исследования информации.

Логику критиков метода интервью можно свести к следующему. В метод “вмешиваются” неуправляемые механизмы прямого общения, и информация, теряя черты “чужого” для исследователя мнения, становится общим мнением исследователя и респондента. Множество как вербальных, так и невербальных нюансов помогают исследователю “вести” за собой респондента или “помогают” респонденту уводить исследование от его первоначального замысла. Вольно-неволью каждый из участников диалога начинает подстраиваться друг под друга, и респонденты начинают говорить ... “неправду”.

Вряд ли, однако, проблема доверия к получаемой в ходе интервью информации столь непосредственно связана с дилеммой “правда-неправда”. Человек говорит не ложь или правду, а то, что он переживает в момент говорения, в процессе беседы или интервью. Социологическое исследование отличается от криминального расследования, кроме всего прочего, тем, что установление меры достоверности и соответствия того, что человек говорит - тому, что было на самом деле, не входит в задачи научного анализа. Предметом

исследования являются сами эти “истории” и повествования, их внутренние закономерности, сопоставимость этих историй с другими, похожими, или, наоборот - отличными. Социологический факт - это субъективная реальность, переживаемое данной личностью отношение к происходящему, а не само это происходящее. Социолог - он потому и ученый, что не пытается докопаться до какой-то “правды” или поймать респондента на “неправде”, а старается помочь респонденту быть предельно откровенным и искренним, уберечь его от попыток подстроиться под представления воображаемого большинства или значимого авторитета. Социолог в ходе глубинного интервью реально проживает вместе с респондентом общий отрезок жизни, отмечая в нем все значимое и важное для задач исследования.

Метод глубинного нестандартизированного интервью более всего подходил для понимания причин и мотивов конкретного выбора переселенцев - почему они решились уехать из тех мест, где прошли их детство и юность, где не одно поколение их родственников прожило свои жизни. Нюансы конкретной судьбы, специфика отдельных переживаний интересовали нас в рамках этого подхода намного больше, чем массовые статистические тенденции процесса русскоязычного переселения.

Исследовательское интервью значительно отличалось, по мнению самих респондентов, как от вопросов журналистов, так и от официального разговора в миграционной службе - что также помогало формированию доверия.

Социолог и журналист

Журналисты, по мнению респондентов, спрашивающие всегда для кого-то и для чего-то, могли все перевернуть таким образом, что становилось еще хуже.

Один респондент рассказал о журналисте, приехавшем из Орла брать у переселенцев интервью. Он ходил по деревне, немного разговаривал с людьми, наблюдал. Затем появилась статья в областной газете, где в радужных тонах рассказывалось о том, какие красивые коттеджи были предоставлены переселенцам, как они хорошо в них “поживают” (5). А на самом деле - эти люди сами себе строили дом, потому что им ничего предоставлено не было. И пока они его строили, жили вообще на голом полу. В статье было написано, что им сначала дали гостиницу на год и что коттедж, который им дали, имеет и сарай, и гараж. На самом же деле, жили они в красном уголке, дом представлял из себя просто четыре стены и, естественно, никакого сарая или гаража не было.

К ученому у переселенцев было другое отношение. Они чувствовали, что человек с ними откровенен, не старается скрыть что-то или поймать их на слове, подвести их к какому-то “горячему” сюжету - и поэтому тоже открывались в ответ. Эта “открытость” еще более усиливалась эффектом включенного наблюдения. Переселенцы видели, что исследователь живет с ними рядом, разделяет все их

лишения и при этом не жалуется. Возможно, что именно это исследовательское бескорыстие помогало людям почувствовать после общения психологическое облегчение.

Социолог и официальное лицо

Исследовательское интервью “выигрывало” и по сравнению с официальным разговором. Работники миграционной службы опрашивали вынужденных переселенцев формально и по очень узкому кругу вопросов.

Переселенцы стремились скрыть информацию от работников миграционной службы или выдать ту, что была для них более “выгодна”.

В Казахстане (апрель 1995 г.) опрашивались те, кто в тот момент принимал решение: уезжать или не уезжать в Россию? Респонденты говорили примерно об одном: что от казахов не было и нет никакого притеснения. Просто они поняли, что в такое время будущего для русских и русскоязычных в Казахстане уже нет, как бы им хорошо ни жилось - уезжать все равно придется. И они уже знают, что нужно будет рассказывать, когда они приедут в Россию: “Да, было притеснение”. Они придумают и будут рассказывать о каких-нибудь обидах. И уже потом, внутри своей общины, когда кто-то один начнет именно “так и про это” рассказывать, тогда уже все должны будут это подтвердить (6).

Эти идеи начнут распространяться, получится какая-то своя “история” у этой группы. Для идентификации с этой группой “новички” тоже будут скорее всего продолжать “историю” общины. Совсем не обязательно, что эта “история” будет насквозь выдуманной. Чаще всего некий реально существовавший факт притеснения начнет обрастать все новыми и новыми подробностями, новыми действующими лицами. Если кто-то начнет говорить: “Нет, никакого притеснения не было” - это помешает ему идентифицировать себя с другими и полноценно войти в новую общину на “новой” Родине.

С достаточно жесткими предписаниями и правилами принадлежности к беженцам или вынужденным переселенцам связано получение совершенно определенных льгот и преимуществ. Именно это стимулирует людей прибегать к различного рода уловкам, преувеличениям и даже лжи.

Часто респонденты рассказывали о тех советах, которые они передают из уст в уста: “Если хочешь уехать и получить нормальный статус, тогда пиши *так то*, надо сказать *вот это*” (7). После подобного “обучения”, которое проходил практически каждый переселенец, очень трудно было понять настоящие причины отъезда.

И если для работников миграционной службы важно было разобраться в подлинности этой “истории”, в ее соответствии реальным фактам биографии - от этого зависело решение о статусе прибывшего, то для социолога равно важно было разобраться как собственно в причинах отъезда, так и в мотивах их сокрытия или искажения. Самым интересным был анализ того, как отражаются реальные

события в индивидуальном сознании, каково влияние этих событий на социокультурный и психологический мир каждой конкретной личности. Именно этот многоликий мир индивидуальных решений и выборов остается самым ценным материалом, полученным в исследовании.

От кого “зависит” переселенец

и как это влияет на интервью

Респонденты “закрывались” в ходе интервью по разным причинам. Помимо психологических особенностей (от сверхзащиты до сверхоткровенности) и профессионализма интервьюеров - его способности преодолевать обычные барьеры в общении и устанавливать сбалансированную дистанцию с респондентами, успех интервью зависит как от ситуативных факторов общения, так и от предмета исследования. Интервью с русскоязычными переселенцами показали, что их зависимое положение очень сильно влияло на особенности проведения интервью, на открытость респондентов и на полученную в результате исследования информацию. Эта зависимость была самым серьезным барьером в общении. Не только эти группы населения находятся в зависимости от власти, руководства, общественного мнения и т.д. Корни глубокого, подчас почти генетического страха за последствия откровенных и честных высказываний можно найти и на уровне “национального характера”, архетипа, идеологически сконструированных нравственных клише и во многом другом.

Эти и многие другие основания для закрытости людей значительно укрепились в эпоху тоталитаризма и массовых репрессий, соответствующей им системы образования, воспитательной парадигмы “коллективистской психологии” со свойственным ей приматом общественных интересов над личными. Были деформированы представления о личной совести и порядочности. Однако этот постсоветский синдром “страха перед публичным высказыванием собственного мнения” достаточно амбивалентен. Мы столкнулись не только с боязнью говорить откровенно, но и с прямо противоположной реакцией. Многие переселенцы говорили: “А что *они* мне сделают? Нет, вы пишете - я все скажу!”. Но чаще мы сталкивались с другим.

Так, например, одна респондентка в Ульяновске очень боялась даже назвать свою фамилию, опасалась, что кто-то узнает, что она живет в этом городе без прописки. Интервью состоялось, но настроение респондентки очень влияло на ее открытость (Х.П.).

Зависимость от самых ближних “начальников”

Несмотря на большую зависимость от миграционной службы, больше всего переселенцы зависят от местных властей и своих са-

мых “близких” начальников, потому что именно они решают вопрос предоставления жилья.

Возможность получить жилье - главный аргумент в выборе будущего места жизни. Получая его, переселенцы становятся его естественными “заложниками”.

Ограничены они и в выборе работы. Переселенцы в прошлом, как правило, городские жители, им трудно идентифицировать себя с колхозниками. Если на вопрос: “Кем ты работаешь?” - местные жители обычно отвечали: “Я - колхозник”, то переселенцы называли свою профессию. Приехавшим было трудно понять, почему они не могут работать в городе, где больше платят и можно работать по своей профессии. Для местных жителей “колхоз” - понятие очень близкое к понятию “семья”; для переселенцев лишь настоящая семья является реальной ценностью. Местные жители прежде всего - колхозники: они чувствуют, что обязаны отдать колхозу свой “долг”; смотрят на председателя, как на местного “вождя”, который помог им во всем и они должны отвечать ему благодарностью. У городских переселенцев подобное отношение к председателю отсутствует. Они не скрывают того, что работают для семьи и для денег .

Пути преодоления

1. Зависимость и недоверие помогало преодолевать то, что интервью проводились только на “территории” респондентов - в их собственном доме. В психологии русскоязычных переселенцев, приехавших в основном из бывших республик Средней Азии и Закавказья, сохранились многие “восточные” привычки. Так, например, переселенцы очень часто говорили: “У русских так не принято, мы своих гостей обычно встречаем по-другому” и т.д.

Многие респонденты говорили: “Дом - это не просто моя крепость, если кто-то войдет в мой дом, то он не сможет меня предать. Ты мой гость - и поэтому я тебе доверяю”. Эта установка очень помогала интервьюеру.

2. Преодолению страха помогало то, что исследователь жил среди переселенцев.

“С одной стороны, в деревне было тяжелее - все на виду и все знают, с кем сегодня ты общаешься, у кого берешь интервью, но с другой стороны, и *ты сама* видна всем, трудно спрятать или скрыть свои отношения и свой образ жизни. В городе, с этой точки зрения, было тяжелее - трудно было “продемонстрировать” свой образ жизни и то, что ты как бы “такая же”. Но, с другой стороны, в городе было легче, потому что переселенцы меньше боялись разговора. Их образ жизни оставался их личным делом. Они знали, что вовсе не обязательно кто-то из “своих” узнает об этом интервью. В деревне же моментально распространялись слухи - у кого была, о чем говорила, в чем была, с кем была и т.д.” (Х.П.).

3. Для формирования положительного отношения к исследователю самыми решающими были первые интервью.

“Первый вопрос, который сразу возникал: “А почему именно ко мне? Почему именно я - *первый*?” У людей возникали опасения, а вдруг кто-то сказал, что именно с ними - проблемы? После нескольких первых интервью все поняли, что на самом деле я зайду и поговорю с каждым. И скоро уже все знали, кто я и зачем я.” (Х.П.).

4. Совершенно естественно, что приезд иностранки в деревню не мог остаться незамеченным. Вопросы о том, для кого эта информация, почему именно вашей стране интересна проблема вынужденных переселенцев, волновали не только респондентов. Не удивительно, что у исследователя из Англии возникало очень много проблем.

Куда пойдет эта информация,

или помогите найти мою лошадь

Проблема практической ценности исследований связана с глобальными вопросами предназначения науки, ее места и роли в решении общечеловеческих проблем, меры ответственности ученых за последствия своих прогнозов и т.д. Практическая ценность данного исследования интересовала всех респондентов, а поскольку исследование проводила иностранка и на “западные” деньги, то спрашивали они в основном о следующем:

1. Куда пойдет эта информация? Для кого она собирается? На кого работает исследователь?

“Сначала практически все респонденты спрашивали: от кого вы? После долгого объяснения, что я просто преподаватель и приехала с исследовательской целью, что деньги получены от негосударственного фонда ,что провожу исследование в чисто научных целях- вопрос : и все же - от кого вы? - оставался.” (Х.П.).

2. За этим стояло не только желание убедиться в искренности исследователя, опасения респондентов за возможные последствия были вызваны надеждой на реальную помощь и поддержку со стороны науки, которая в этом исследовании откровенно идентифицировалась с ее “полномочным представителем” - ученым-исследователем из другой страны, что воспринималось намного серьезнее, чем ученый из Москвы. Люди прямо просили помочь в решении конкретных жизненных проблем.

Был и курьезный случай .” Я просто ходила по переселенцам, и одна старушка узнала, что кто-то приехал к ним в деревню из большого города. Она подошла и сказала: “У меня украли лошадь, я вызвала милицию, но она ничего не делает, может вы сможете мне помочь?” И заплакала.. Ясно, что доверие в данном случае вызвал сам факт того, что я из большого города и поэтому могу что-то сделать. Я ей сказала, что приехала к беженцам. Тогда старушка очень огорчилась, решив, что раз она не беженка, то именно поэтому я не смогу ей ничем помочь...” (Х.П.).

3. Совершенно очевидно, что респонденты не очень-то доверяют ученым и науке, особенно - общественной. Существует устойчивый

стереотип неприязни и недоверия к социологии, которая прежде всего ассоциируется с массовыми опросами общественного мнения и публикациями рейтингов в СМИ. Этот стереотип приходится преодолевать во всех полевых исследованиях. Но русскоязычными переселенцами практически никто не занимался, в том числе и социологи - подробный и заинтересованный разговор с исследователем не просто вызывал доверие, но и невероятно высоко поднимал статус науки. Исследователь ассоциировался с человеком, способным реально помочь переселенцам.

4. Были, правда, и другие высказывания: раз дают деньги на исследования, значит, деньги где-то есть. А раз где-то существуют деньги для *этой* проблемы, то лучше бы их давали самим переселенцам.

Подобное отношение намного шире данного конкретного исследования. Многие люди глубоко убеждены в том, что у денег в такое тяжелое время существует лишь одна "нормальная" функция - они должны быть заплачены тем, кто в них нуждается в виде зарплат, премий, жилья, кредитов и т.д. То, что деньги необходимо инвестировать в будущее отечественной общественной науки, не понимается как на государственном уровне, так и тем более "простыми" людьми. Многие респонденты совершенно искренне спрашивали: "Что тут собственно изучать? И так все ясно..."

5. Поскольку исследование проводила иностранка, то возникал и другой мотив. Почему проблема русскоязычных переселенцев так волнует иностранцев и почему она не интересна для русских? С одной стороны, это вызывало настороженность, мысли о корыстных (в том числе и разведывательных) целях исследования; с другой стороны - вызывало уважение к исследователю. Запомнилась одна фраза из интервью: "*Как жалко, что никто из наших этим не занимается...*" (Х.П.).

Влияние на интервью отношений

с местными жителями и властями

Для успешной полевой работы исследователя важно было выстроить хорошие отношения с местными властями, в сельской местности - с председателем колхоза. Это намного облегчало процессы изучения и помогало снять с него "покров" чего-то запретного и "шпионского".

"Респонденты всегда очень чутко реагировали на отношение председателя ко мне. Так, они очень внимательно следили, например, за тем, проедет ли он мимо или остановится поговорить со мной. Каждый день я, как и многие другие, должна была идти пешком из одной деревни в другую (три километра туда и обратно) на работу и обратно, в школу, в детский садик. Это был больной момент для всех. Если председатель ехал в это время мимо, он, как правило, подвозил меня. И...- получалась проблема. С одной стороны, я вроде была с ними, с переселенцами, но когда он подвозил меня, а их, конечно, нет, то получалось, что я все-таки с начальством, а не с ними... С другой стороны, он был со мной на "ты", как и с ними - и это опять сближало меня со всеми. Поскольку я жила у главного бухгалтера, то приходилось все время поддерживать баланс между хорошими отношениями с руководством и с людьми". (Х.П.).

На характер общения с переселенцами очень влиял тот факт, что в деревне все хорошо знали друг друга.

Одна переселенка рассказывала, как она “пришла в магазин купить хлеб, потому что хотела подготовиться к встрече. И как раз хлеб не привезли. Я попросила что-нибудь найти, потому что ко мне сейчас придут. Ну и конечно все поняли, о ком я говорю. И тогда местные женщины начали говорить: не болтай только лишнего. А я им сказала: А зачем мне врать? Она же сама зайдет ко мне, она увидит, она ведь нормальный человек, она сама увидит, кто и как живет, какой смысл что-то вообще тут придумывать?” (8).

Как только местные жители видели, что исследователь “начинала” с переселенцев, а не с них, так сразу менялось отношение к исследованию у “коренных” русских. Заранее защищаясь, они говорили: “Мы знаем, они (переселенцы), конечно, говорят о нас очень плохо: говорят, наверное, что мы их не любим, гоним отсюда, но это все неправда”. В общении возникал барьер. Местные жители вполне закономерно обижались, что их жизнь никого не интересует...

“А эти приехали - дома им дали, деньги получают - а все им не нравится, и мы тоже не нравимся...” (9).

Определенный уровень напряжения между “новыми” и “коренными” русскими подтверждался частыми высказываниями переселенцев о том, что они считают себя более грамотными, культурными и развитыми, чем местные жители. Однако качество полученной информации было связано не с уровнем культуры той или другой группы местных жителей, а с разной мерой доверия к исследованию.

Поскольку исследователь сначала вошла в общину переселенцев, местные перестали ей доверять. Возможно, чтобы понять обе стороны, нужно, чтобы их изучали разные исследователи, каждый из которых входил бы в отдельную общину и анализировал бы проблемы в их ценностном и культурном пространстве. Правда, в этом случае возникли бы проблемы во взаимопонимании исследователей, в сопоставимости результатов их отдельных исследований...

Одна из местных женщин сказала: “Почему только у них изучаешь проблемы? У нас те же самые проблемы, они получили вот какие хорошие дома, а мы пережили войну здесь... Изучай лучше общие проблемы...” (17).

Преодолеть эту проблему так и не удалось.

Интервью с отдельными переселенцами

или со всей общиной сразу: "У кого ты была до меня?"

Давление на исследование и исследователя было не только со стороны "местных" русских, но и других переселенцев. Часто респонденты спрашивали: "А что вам ответили на этот вопрос другие? С кем ты дружишь из переселенцев?"

Отношения между переселенцами сложились задолго до появления среди них исследователя. И хотя респонденты постоянно подчеркивали в своих ответах, что они намного ближе общаются друг с другом, чем местные русские, что они очень дружны, внутри их общины также существовали свои симпатии и антипатии, свои привязанности, зависть и обиды, свое напряжение. Важно было сохранить недемонстративный и не слишком прямолинейный нейтралитет.

Влиял ли диктофон на общение?

Не было случая, чтобы кто-то из респондентов отказался от применения диктофона. Диктофон в любом общении создает неудобство - это известная социологическая проблема. Он всегда остается механическим символом "формализованного" общения.

"Я всегда говорила людям, что кассеты - только мне и что когда я буду писать отчет для области, то, конечно, без всяких фамилий. С кем и как я общалась, этого никто не узнает. Тогда мне почти сразу отвечали: "да нет, пусть будет, я в принципе не боюсь ничего". Даже иногда смотрели прямо в диктофон и говорили будто для кого-то специально: "Пусть это дойдет до Горбачева, до Ельцина, пусть они все знают, как мы живем!" - говорили так и смотрели прямо в диктофон, будто в прямую телекамеру" (Х.П.).

Исследователь - иностранка...

То, что интервью проводила иностранка, сильно влияло на процесс исследования. И, как показал анализ результатов, это влияние было в основном положительным:

"Часто респонденты спрашивали: "Скажите, а почему *это* интересно вашему государству, или - почему именно *вашему* государству это интересно? И даже - на какое ведомство вы работаете?" (Х.П.).

Иногда они были более категоричны:

"Ваше государство может позволить себе такую роскошь - отправить в другую страну своих ученых для изучения чужих проблем, будто у вас нет своих социальных проблем, и поэтому вы тратите свои деньги на это?"

Очевидно, что это была защитная реакция: "Вы бы лучше в Англии обратили внимание на проблему с Ирландией, мы же не едем к вам изучать ваших переселенцев?" Часто я слышала: "Ты должна изучать свои проблемы" (Х.П.).

И все же подобных высказываний было немного.

“Часто респонденты использовали мое присутствие и для того, чтобы еще больше самим себе доказать, насколько плоха их жизнь здесь” (Х.П.).

То, что исследование проводила иностранка, еще больше усиливало обиду: “Иностранцы и те понимают нашу проблему, а наши - нет...” (10).

Переселенцы были не просто гостеприимны, а - сверхгостеприимны. Многие стремились заранее узнать о приходе в их дом интервьюера не для того, чтобы подготовиться к ответам, а чтобы приготовить стол и подарки... Всегда были угощения, которые имели двойной смысл: не ударить в грязь лицом и показать, каким вообще должно быть настоящее “восточное” гостеприимство - они стремились хотя бы этим продемонстрировать “настоящую русскую” культуру.

“Очень тяжело на самом деле было определить, было ли это оттого, что я иностранка, или оттого, что им очень хотелось показать, какие они на самом деле по сравнению с местными русскими, которых они считали сверхгостеприимными” (Х.П.).

Особое уважение вызывало то, что иностранка так хорошо знала русский язык.

“Случалось так, что люди не сразу понимали, что я иностранка. Был и такой случай, когда уже в середине беседы, спросив, не армянка ли я по национальности, и услышав, что англичанка, респондент, растерявшись, задал вопрос: а кто это - англичанка?” (Х.П.).

Респонденты часто задавали вопрос: “Где она так научилась говорить по-русски?”

“После того, как долго рассказываешь, что в МГУ училась, потом работала, потом снова училась, они начинали понимать, что это очень серьезное отношение, что мне это по-настоящему дорого, что это не просто любопытство или корысть. И тогда они окончательно верили, что я не журналистка и не стремлюсь набрать побольше всяких историй.” (Х.П.).

Часто респонденты расспрашивали исследователя о ее жизни, часто просили рассказать об Англии. Рассказ о другой стране - это была единственная помощь, которую можно было оказать. В этой потребности пообщаться с “живым” человеком из-за границы проявилась интересная черта их адаптации: они страдали от потери многонациональной среды, к которой привыкли, они чувствовали себя попавшими в закрытый мир.

“Свои и не-свои” проблемы

Многие переселенцы переходили на тему: “Если бы я могла(мог) тебя “туда” привезти...” . Они говорили про те места, где жили прежде.

“Если бы ты могла увидеть, как мы там жили, мне не было бы стыдно за свою семью и за себя, там была совсем другая жизнь... Мне не пришлось бы так плохо тебя принимать...” (11).

Чувствовалось, что им было стыдно оттого, что у них нет возможности показать иностранцу свою жизнь так, как это “положено”. Многие переселенцы совершенно искренне предлагали съездить на их прежнее место жительства:

“Если тебе на самом деле нужно нас изучать, то может быть до того, как уезжаешь в Англию, мы съездим туда, ко мне, домой... Я тоже съезжу с тобой, я покажу тебе, как там все хорошо и красиво. Там действительно - наше, а здесь, хоть и Россия, но не наша. Мы не отвечаем за то, что здесь все так плохо, за эту грязь, которая здесь, за этот “наш” дом” (11).

Переселенцам важно было доказать: то, что происходит *здесь* - это *не наши* проблемы.

Это напоминало не столь отдаленное время закрытого общества, когда “свои” проблемы были очень “закрыты” и должны были оставаться тайной для врага. Когда же он приезжал - нужно было говорить, что у нас все нормально, никаких проблем у советского человека не может быть в силу несомненных преимуществ нашего строя перед “западным”. К встрече с иностранцем готовились специально и выставляли самые лучшие кушанья.

Водить иностранцев следовало только в лучшие места: пусть “они” видят, как мы живем - “как мы *хорошо* живем!”.

Говорить в эпоху постмодернизма о каких-то “своих” проблемах можно лишь условно. Границы, отделяющие эти проблемы от “чужих”, все более призрачны, а само деление все более условно. Иногда более патриотично сделать “свою” проблему достоянием мировой общественности, чем закрыть ее ради доказательства социально-политического преимущества государства - ”закрытые” проблемы могут стать источником мировой напряженности. Это непосредственно относится и к проблеме вынужденных переселенцев, которая явно не локализована границами одного государства.

Переселение - это не просто пространственное, это еще и культурно-историческое перемещение, последствия которого могут быть поняты лишь в контексте мирового пространства в целом. Однако такое “широкое” толкование проблемы не принималось не только чиновниками, но и самими переселенцами.

Как использовать время и пространство респондентов

и преодолевать бытовые вмешательства

В любом исследовании социолог отнимает у людей самое драгоценное - их время. Если интервью проводится на территории респондента, то социолог вторгается еще и в его личностное пространство. Взамен он может предложить лишь свое участие, терпение и интерес. Обмен, как правило, неравноценный. Этическая сторона

“права” исследователя остается по-прежнему спорной. Существуют теории о мотивации респондента, компенсациях, нетравмирующем давлении, но проблема остается.

“Я отнимала не просто время, а самое дорогое время у своих респондентов. Исследование проходило летом, в самую горячую пору для сельского жителя, каждая минута стоила несравненно дорого...” (Х.П.).

От рационального использования этого времени зависело решение конкретных проблем выживания всей семьи - “стоимость” времени этих респондентов была очень высокой. Респонденты часто еще и кормили исследователя. “Они очень обижались, если ты отказываешься вместе с ними есть, хотели разговаривать очень долго, упрашивали остаться переночевать.” (Х.П.).

Проблему личного времени респондентов нельзя было решить с помощью денег - эти предложения встречали недоумение или обиду. Влияло и то, что интервью проводила иностранка. Получение денег “генетически” ассоциировалось с недавним историческим прошлым, что могло вызвать недоверие и сомнение в бескорыстии исследователя. Все интервью проходили у респондентов дома, их личные пространства были невероятно маленькими - в прямом физическом смысле. Часто в одной комнате жили родители с детьми, бабушка с бабушкой, а к началу разговора подходили еще и гости. Общаться с глазу на глаз было невозможно: присутствующие не только смотрели, слушали, но и что-то добавляли, спорили... Это провоцировало споры, а иногда и ссоры между членами семьи, особенно когда речь шла о том, стоило или не стоило уезжать. Все это требовало еще большего внимания и терпения по отношению к интервьюируемому. Моменты же бытовых вмешательств пришлось учитывать как еще одну объективную переменную для последующих интерпретаций.

Влияние гендерных аспектов,

или у каждого - своя история

Практически все переселенцы из бывших республик СССР пережили одно и то же, но их повествования были чрезвычайно непохожими друг на друга. Больше всего они отличались тем, *как* человек рассказывал свою историю, какое место в ней он отводил обстоятельствам и воле сверху, а какое - себе и своим близким.

В значительной степени на это влияло то, в какой степени респонденты идентифицировали себя с вынужденными переселенцами.

Один из часто повторяемых мотивов по этому поводу - “никакие мы не вынужденные переселенцы, а жертвы, и мы никуда не переселились, нас просто выгнали из страны”.

Мужчины чаще, чем женщины, считали, что главная причина их вынужденного переселения - это местный национализм, уводили

разговор на политический уровень.

Получались две независимых истории: одна - о неких политических событиях, другая - об их личной трагедии.

“Мужчины часто отвечали на очень абстрактном уровне, любили рассказывать про историю СССР, про отношения между республиками в бывшем Союзе... Знаменательно высказывание одного респондента: “Я вам не только свое мнение скажу, я Вам правду скажу...”. Подобные интервью с “учителями” были самыми неинформативными”.

Женщины чаще говорили о своих личных трагедиях, о том, как выехали, как ехали. Этот рассказ мог быть о всей долгой дороге, минута за минутой. Создавалось впечатление, что их собственное переселение для них -это некий внешний политический процесс. Анализировать и сопоставлять такие “истории” порой было просто невозможно: у каждого респондента был свой рассказ.

“Возникало желание отказаться от продолжения интервью и вернуться к проверенному анкетному опросу - ведь там исследователь имеет понятные и сопоставимые цифры. После интервью же оставались кассеты с записью историй, рассказанных не только о разном и на разных уровнях, но и в разных стилях .”

В ходе исследования явно обозначился гендерный дисбаланс. Женщины в большей степени готовы были отдать исследователю свое время, хотя его у них было гораздо меньше, чем у мужчин. Мужчин труднее было застать дома, и они предпочитали возлагать ответственность за разговор именно на женщин .

Мужчины и женщины не просто по-разному реагировали на исследователя, у них были разные реакции на переселение: женщины больше любили вспоминать, мужчины же были более склонны говорить о будущем, о прошлом вспоминали неохотно, стараясь защититься от пережитых обид и горечи. Женщины в большей степени, чем мужчины, скучали по общению - по прежним соседям, родственникам, городу - тому, что они имели и что потеряли. Мужчины же больше всего скучали по своим “мужским” связям. Самое главное для мужчин - это заработать деньги, а для женщин - преодолеть одиночество и оторванность от бывшей общины.

“Ну раз я работаю, деньги хоть какие зарабатываю, семья рядом - все более или менее значит нормально” (11).

Женщины в большей степени, чем мужчины были ориентированы на настоящее, полагая, что они отвечают за комфорт, за то, чтобы не было напряжения в семье .

“Потому что если войдешь в семью и есть в ней напряжение, люди говорят - это потому, что жена нехорошая” (11).

Говорить о комфорте в тех условиях было трудно, поэтому погруженность женщин в настоящее подавляла их эмоциональное состояние. Возможно, мужчины легче переживали свое состояние и

такое настоящее, потому что они не чувствовали свою ответственность за то, что происходит сейчас, они считали, что отвечают за будущее.

Можно ли травмировать респондента?

В самом общем плане это вопрос профессиональной этики социолога: нравственно ли использовать респондента, его личное время в исследовательских целях, а его мнение по поводу им же переживаемых проблем - в качестве некоего примера для подтверждения или опровержения исследовательской гипотезы?

В большинстве случаев интервью для переселенцев было настоящей травмой - обсуждались не какие-то отвлеченные идеи, ценности, установки, а конкретные факты их биографий, которые перевернули их собственную жизнь. Но это была не совсем традиционная травма. Интервью производили на респондентов некое терапевтическое воздействие и лечебный эффект. Часто после интервью наступало облегчение, особенно это было заметно по реакциям женщин. У многих респондентов до сих пор сохранились с исследователем самые теплые отношения. Несмотря на то, что исследование завершено, люди до сих пор продолжают писать письма, при первой возможности передают приветы, при этом интересуются не только результатами исследования, но и личной судьбой исследователя. И все-таки интервью было травмой - многие респонденты плакали, рассказывая о своих "историях". Эта экстремальная ситуация влияла и на беседу, и на поведение исследователя. Но людям нужно было рассказать кому-то о своей судьбе, и им было небезразлично - кому. Они не могли рассказать об этом "местным "русским":

"Если мы им скажем, что нам еще и плохо, то сразу же услышим в ответ: "А зачем вы вообще тогда сюда приехали? Уезжайте тогда отсюда, если вам еще и не нравится тут, вас никто не заставляет здесь жить, мы вас не приглашали сюда" (Х.П.).

Рассказывать друг другу тоже было ни к чему - все прошли через одно и то же.

Может сложиться впечатление, что исследователь собирал самую "аффективную", эмоционально неуравновешенную информацию. Закономерно возникает вопрос, насколько эта "болезненная" информация достоверна?

В нашем исследовании это во многом зависело от людей. Иногда было видно, что люди еще не оправались от шока, не способны хотя бы немного отстраниться и посмотреть на происшедшее со стороны. Интервью, как правило, проводились лишь с теми, кто прожил на новом месте от одного года до трех лет. К этому времени период самых "горячих" и болезненных воспоминаний уже проходил, и люди могли воспринимать происшедшее более "спокойно".

Как показала практика проведения этого исследования, лучше всего было опрашивать человека в некоем “среднем” состоянии. “Болезненность” респондента, как и его чрезмерная рациональность, равно мешали исследованию.

Например, одна женщина не просто уехала из Таджикистана - она бежала оттуда, и было бы просто неестественно, если бы она спокойно начала рассказывать о своих переживаниях.

Исследование действительно было рискованным. Этот риск был естественным порождением именно этого исследовательского поля.

Так, например, один из первых моментов исследования был связан с присутствием исследователя на заседании комиссии по переселенцам (в г. Орле). “Мне говорили, что вы сразу все поймете, если увидите и услышите этих людей, именно здесь самая “свежая” информация. На самом деле это была самая “плохая” и тяжелая для понимания информация. Разговор велся при чиновниках ФМС, люди были прямо с вокзала, до крайней степени уставшие и в таком страшном эмоциональном состоянии, что просто ничего невозможно было понять”.

Стремление исследователя психологически облегчить судьбу респондентов, соблюдение временной дистанции по отношению к переломным событиям в их жизни помогали свести до минимума травмирующий эффект исследования.

“Уход в природу” -

опасность полевого исследования

Понятие “уход в природу” традиционно связывают с методом включенного наблюдения. Долгое пребывание исследователя “внутри” изучаемой проблемы может привести к идентификации с респондентами и потере столь необходимой отстраненности.

“Я почувствовала, что со мной это произошло уже после того, как уехала домой. Я запомнила два момента в своем уходе в природу. Первый связан с тем, что я постепенно привыкла к тяжелым разговорам и с какого-то момента начала воспринимать все эти истории не только как норму, но и как единственную “правду”. “Истории” респондентов, конечно же, отличались от информации из официальных источников, и от того, что говорили работники миграционных служб. Все тяжелее было придерживаться некоей объективности, уметь выслушать и доверять мнению меньшинства, оставаться на незаинтересованных позициях. Очень тяжело было “забывать” то, что рассказывали переселенцы, то, что слышала от самой “больной” стороны. Полностью преодолеть это невозможно. Для того чтобы действительно понимать переживания респондентов, их опыт - для этого надо уйти в их “природу” (Х.П.).

Но важно было и другое. Для проведения научного анализа нужно было не просто мысленно, но и физически удалиться, уйти из исследовательской ситуации, вернуться к “спокойному” взгляду на проблему. Включенное наблюдение предполагает некоторое погружение исследователя не в рассказы, а в реальную жизнь. Именно благодаря этому через какое-то время приходит способность не только понимать, но и воспроизводить этот пережитый, не столько

чужой, сколько общий опыт. Самым тяжелым в этой исследовательской ситуации было ощущение безысходности.

“Второй момент был связан с тем, что я была приезжей - не понимала того, как вообще могут люди жить в таких условиях, не только материальных и физических, но и моральных . Я реально была в их ситуации ... Но у меня было одно отличие от переселенцев - я чувствовала временность этой реальности. Это очень мешало в исследовании, мы с самого начала были не на равных. Я всегда знала, что уеду. И хотя мои переживания не становились от этого игрушечными, но для меня эта жизнь была временным испытанием, у меня была и есть другая жизнь. А у них? У них тоже, конечно, есть хорошие воспоминания о той жизни, что была, но дороги обратно для них уже не было. То есть мы могли обмениваться мнениями, но никогда при этом не были на равных, между нами всегда оставалась дистанция - их постоянной и моей временной жизни в этих условиях.” (Х.П.).

Возможно, именно эта дистанция помогла исследователю сохранить в самых тяжелых условиях позицию стороннего, но не постороннего наблюдателя, более или менее “трезвый” ум. Это удержало от ухода в натуру, от растворения в предмете и от потери самого важного - необходимости решить исследовательскую задачу.

Способность социолога сохранять свою самость и инакость, свою другую природу, отличную от природы предмета - это одно из самых важных профессиональных требований, гарантирующих завершение исследования в рамках сформулированных целей и задач. Иногда это выглядит неким предательством по отношению к тем людям, с помощью которых собирается материал, ведь вольно или невольно логика такого подхода превращает их из субъектов в некую материю - объект внешнего по отношению к ним исследовательского процесса. Но это единственный путь, который позволяет делать разумные выводы... Иначе исследователь рискует потерять широту охвата, способность анализировать предмет в его целостности. Если полностью находиться внутри, то перестаешь видеть явление на “фоне” других явлений, данное мнение - в “контексте” разных мнений и т.д.

О профессиональной ответственности

и мере цинизма

Что помогает социологу, погружаясь в проблему, оставаться в достаточной степени отстраненным, сохранять свой исследовательский статус? Ответ прост, когда речь идет об изучении политических предпочтений, зрительских симпатий, потребительских ориентаций и т.п. Достаточно сохранять нейтралитет и тем самым - относительную независимость. В нашем исследовании оставаться на нейтральных позициях было очень сложно. Как у всякого гражданина, возникала целая гамма размышлений и эмоций не только научного характера. Отделить профессиональную позицию от личностной было невероятно трудно. Сложно было удержаться от “растворения в натуре”, но еще труднее было отдавать себе отчет, что каким-либо “конкретным” делом помочь переселенцам не

удастся. Вероятно, поэтому конкретные проблемы вошли в эту методологическую статью. Невозможно было отделить исследовательскую позицию от фактов. Предмет исследования вторгался в анализ и своей “неустоявшейся природой” постоянно менял первоначальный замысел. Этот подход, помимо явных недостатков, имеет и определенные преимущества: он довольно точно воспроизводит реальную природу проблемы (ее многоаспектность, разноликость и фрагментарность, с одной стороны, ее целостность и нерасчлененность - с другой). Преодоление этих реальных исследовательских трудностей - в дальнейшей работе над темой. Хочется надеяться, что эта попытка объективного анализа говорит скорее о нашей профессиональной ответственности, а не о позиции стороннего наблюдателя или циничного экспериментатора.

***

1. См. например: **Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.** “Миф о “качественной социологии” Социологический журнал. 1994. №2; **Маслова О.М.** Качественная и количественная социология: методология и методы (по материалам круглого стола) // Социология 4М. 1995. № 5-6; **Ядов В.А.** Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология 4М. 1991. № 1; **Ядов В.А.** Куда идет российская социология? // Социологический журнал. 1995. № 1 и др.).

2. Основное внимание в статье уделяется своеобразному соединению метода глубинного нестандартизированного интервью с предметом исследования, содержательные проблемы вынужденных русскоязычных переселенцев затрагиваются лишь постольку, поскольку они связаны с преодолением специфических препятствий данного исследовательского поля .

3. **Маслова О.М.** Количественная и качественная социология: методология и методы // Социология 4М. 1995. № 5-6. С.7-8.

4. Цитируемые высказывания (примеры) - это ответы самих респондентов и комментарии интервьюера. В соответствии с обязательствами перед респондентами (соблюдением анонимности) в Комментариях и сносках указаны лишь порядковые номера записей интервью.

5. **В.Ким.** “Прописаны в Речице” // Орловская правда. 1994. 30 июня. С.2.

6. См. Комментарий, интервью с переселенцами.

7. См. Комментарий, интервью с переселенцами.

8. См.: Комментарий, интервью с переселенцами.

9. Из интервью с местными русскими

10. Комментарий, интервью с переселенцами

11. См. Комментарий, интервью с переселенцами.

Комментарий

1. Серия глубинных интервью проводилась в Орловской области - село Речица, где доктор Хилари Пилкингтон непосредственно жила в течение трех месяцев летом 1994 года, и в г.Ульяновске в октябре 1994 - январе 1995 года.

Все примеры в статье приведены из проведенных в рамках проекта интервью (Орловская область и г.Ульяновск, 1994 - 95гг.)

Номера записей: ID - 1; 12; 49; 114; 133; 20; 8(Z); 64(Z); 73(Z); 187(Z); 91(Z); 139; 182; 171.

2. Помимо серий глубинных интервью, проведенных автором проекта - доктором Хилари Пилкингтон, были проведены социологические исследования - опросы населения г.Ульяновска и контент-анализ текущей центральной и местной прессы. Исследования проводились творческим коллективом

Научно-исследовательского Центра “Регион” (филиал МГУ, г.Ульяновск. Руководитель -к.ф.н. Омельченко Е.Л.)

Название проекта - “Основные характеристики процесса миграции русскоязычного населения из республик бывшего СССР на территорию Ульяновской области” (руководитель - к.ф.н. Омельченко Е.Л.) г. Ульяновск, 1994-95 гг.

В ходе этого исследования опрошено 370 респондентов по квотной модели выборки: пол, возраст, район проживания, в том числе жителей г.Ульяновска - 291, Ульяновской области - сел - 79, среди них: мужчин - 167, женщин -203;)

3. В рамках исследования был проведен контент-анализ центральной и местной прессы. Количество объектов исследования - 10; период - с 15.06.94 по 15.12.1994; общее количество номеров - 783 .

Библиография

1. **Ахизер А.** Культурные основы этнических конфликтов // *Общественные науки и современность*. 1994. № 4. С.115-125.
  2. **Зайчонковская Ж.А.** Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М.: Статистика,1972. 162 с.
  3. **Зайчонковская Ж.А.** Развитие внешних миграционных связей России // *Социологический журнал*. 1995. № 1. С.29-45.
  4. **Зайчонковская Ж.А.** Прогноз миграции населения // *Социологический журнал*. 1995. № 3. С.22 -27.
  5. **Зотова О.Е., Кряжева И.К.** Методы исследования социально-психологических аспектов адаптации личности // *Методология и методы социальной психологии*. М., 1977. С. 173-189.
  6. **Маркова Л.В.** Россия и новое зарубежье: миграционный обмен // *Социологические исследования*. 1995. № 3 . С. 95-100.
  7. **Переведенцев В.И.** Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
  8. **Русские: этносоциологические очерки.** М.: Наука, 1992. 461 с.
  9. **Рыбаковский Л.Л.** Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 200 с.
  10. **Савоскул С.** Русские нового зарубежья // *Общественные науки и современность*. 1994. №4. С. 90-101
  11. **Сикевич З.В.** Этносоциология: национальные отношения и межнациональные конфликты. Спб, 1994. 176 с.
- Федеральная Миграционная Служба России (1995). Вынужденные переселенцы в России: Стат. Бюллетень. № 5. С.82-3.
-